

Письма от Ю. М. Лотмана

Публикуемые письма — часть моей переписки с Юрием Михайловичем Лотманом в 1980-е годы. О Тарту я впервые услышала от своего киевского учителя литературы, которому удалось уговорить моих родителей отпустить меня учиться в Эстонию. В августе 1978 года я поступила на филфак Тартуского университета. Со второго курса Юрий Михайлович стал моим научным руководителем, а на третьем предложил заняться творчеством Семена Сергеевича Боброва — поэта рубежа XVIII—XIX веков, до которого, по его выражению, у него самого «руки так и не дошли». Дипломную работу я писала по натурфилософии Семена Боброва, уже точно понимая, чем буду заниматься дальше. После окончания университета я осталась в Тарту, получив место в созданной тогда Ю. М. Лотманом лаборатории истории и семиотики, в ней я прослужила вплоть до своего переезда в Москву в конце 1980-х годов. Письма, которые у меня сохранились, скопились за время моего академического отпуска после четвертого курса (1982—1983) и первых лет жизни в Москве (1987—1993)²⁶.

1

28.VII.82

Дорогая Люда!

Очень рад (действительно рад и действительно очень) был получить от Вас письмо, к тому же такое большое и интересное. А то я уж думал, что так и не дождусь ни строчки. Прежде всего, я позавидовал вашему отцу: вот так проездиться («махнуть», как Вы говорите) с дочерью, наверное, огромное наслаждение²⁷. Кстати, места эти мне хорошо знакомы: летом 1941 мы, начав на Днестре, отходили южнее Винницы на Первомайск, он оказался уже занятым немцами и мы повернули на Николаев, там успели перескочить за Буг и продолжили отходить к Днепру в район Никополя. Чуть ли не из каждой посадки мы стреляли по танкам и картечью по мотоциклистам, которые в черных мундирах и на черных мотоциклах (СС-овцы!) неслись прямо по полям пшеницы. Представьте себе нас — молодых — всем 18—19 лет (командир батареи «старик» — 25 лет), чумазных, мокрых и пропотевших до соли (спины у всех белые от соли) гимнастерках, спим и едим урывками, но все почему-то чертовски веселы. Те, кто не пережили, не поверят, что в начале было очень весело...

26 В публикации сохранены авторские сокращения, выделение подчеркиванием, орфография, пунктуация и датировки.

27 В июле 1982 года мой отец, тогда главный инженер Укрсевгеологии, инспектировал с коллегами буровые участки правобережной Украины. Я была в Киеве на каникулах, и он взял меня с собой. Эту поездку папа превратил для меня в экскурсию: Белая церковь, усадьба графини А. В. Браницкой, ландшафтный парк «Александрия», Винница, Тульчин, дворец графа Поттоцкого, Умань, парк «Софиевка», Первомайск, Николаев.

Теперь о Вашем чувстве уверенности в общении. Дело в том, что занимаясь даже далекими, казалось бы, от повседневной жизни научными вопросами, мы одновременно вырабатываем себя, взрослеем, общаемся через книги с собою (а тот, кто умеет общаться с собою, всегда сможет найти дорогу к другим; на самом деле общение с собою самое трудное — это только поверхностные люди думают, что понять другого и найти к нему путь трудно, а к себе — плевое дело! Именно с собою найти общий язык труднее всего: потому сейчас все жаждут «развлечений» и «отвлечений», и «коммуникабельности», что не умеют и боятся общаться с собой, боятся обнаружить в себе свою пустоту). Я рад наблюдать, как у Вас растет душа. Конечно, радоваться еще рано — это занятие до смерти, но все же начало есть. Только старайтесь одновременно избежать и «самоедства» (комплексов, самопожирания — глупое, вредное и бессмысленное занятие), и самодовольства, от которого душа жиреет.

Итак, польза науки, к моей радости, доказана. Кстати о науке. В «Сыне отечества», 1821, № 42, с. 71 переводчик французской рецензии на английскую антологию русской поэзии (Specimens of the Russian Poets <...> translated by Bowring, London, 1821) заметил в примечании: «Известно, что из писателей наших один Бобров подражал англичанам». Думаю, что это высказывание должно стать отправной точкой для Вашей главы о Боброве и Юнге. Кстати, надо прочесть письма Кутузова в кн.: Я.Л. Барсков. Переписка московских масонов XVIII-го века, Петроград, 1915 (там много цитат из Юнга). Обязательно также посмотреть Голдсмита (Goldsmith) поэму «The Traveller» и вообще поштудировать английскую поэзию XVIII в. «Ищите и обрящете...»

Интересно было бы поговорить о «Воспитании чувств»²⁸. Но для этого мне надо перечесть. Мне очень любопытно, какое на Вас произведет впечатление «По ком звонит колокол» Хэмингуэя. Да и другие его романы.

Что писать о себе? До сих пор я (в последние два-три года) все время старался соразмерять объем своих научных замыслов с отпущенным мне временем и все время прикидывал, успею ли кончить. Сейчас я махнул рукой (французы говорят «закинул чепчик за мельницу») и задумал работу — важнейшую и интереснейшую — которой кончить наверняка не успею (дай Бог начать!), т.к. она охватывает важнейшие проблемы теории культуры, массового сознания, периодических трагических психозов, охватывающих народы и культуры и проч. Это тема лет на 10... Сейчас занимаюсь процессами ведьм в XVI веке. Поразительно интересно и страшно. Но это лишь небольшая деталь. Мыслей и материалов много. Как все сложится — не знаю. Попутно продолжаю Дмитриева-Мамонова, Карамзина, кончаю статью о Лермонтове и пр.

Сейчас ночь. Вы, наверное спите, а у меня свет от окон падает на листья деревьев и край неба уже желтеет. Через минут 40 будет светло, и я погашу лампу и лягу спать.

Доброго Вам утра!

Ю. Лотман

28 «Воспитание чувств» Флобера взяла с собой в путешествие.

Москва
21.V.83

Дорогая Люда!

Не знаю, в Киеве ли Вы уже? Надеюсь, рано или поздно, это письмо все же попадет в Ваши руки.

Прежде всего хочу напомнить Вам о монографии Сакулина «Кн. В.Ф. Одоевский» (т. I—II), кот. Вам надо обязательно прочесть. Вы верно сказали, что Одоевский <В.Ф.> — связующее звено между Тютчевым и Кюхельбекером. И это звено надо Вам «схватить». Иначе глава (статья) может не получиться полной. Также необходимо прочесть: Н. Барсукова, Жизнь и труды Погодина <особенно, т. 1, м.б., второй, вообще же это огромное исследование и тома — несть числа!>. Здесь о Раиче, о Тютчеве (много) и, разумеется, о Погодине. Все для Вас важно. Посмотрите по указателю (на Кюхельб<екера>, Раича и др.), Колюпанова, Жизнь Кошелева.

Напоминаю, что очень хотел бы, чтобы Вы прислали в Тарту хоть часть черновика главы²⁹.

Это деловая часть моего письма. А вот «неделовая». Я в Москве. Первые дни пока не втянулся в работу, а злился, отыскивая то ту, то другую книгу (всегда чего-либо нет: сейчас мне нужна до зарезу итальянская монография об якобинце Жильбере Ромме — я «вычислил», что он должен был в 1790 г. в Париже встречаться с Карамзиным, — а книжка есть только в Ленинграде; вот так и работай!). Сейчас, все же кое-как приступил к работе, а это — «опиум для народа» и «лекарство от горя и забот».

Кстати, вчера я, выполняя Ваш приказ, смотрел «Полеты во сне и наяву»³⁰. Фильм очень хороший (чувствуется влияние грузинских фильмов 1970-х гг., Иосилиани и др.). На меня он подействовал так, словно льют кислоту на ободранное мясо. Очень, очень хороший фильм...

Но увлекаться человеческим типом à la герой фильма — не советую. Сейчас таких людей много, и это даже несколько модно: быть несчастным и вне стандартов. Конечно, такой человек лучше, чем разные варианты твердо-каменной дубины, заполняющей и экраны, и зрительные залы. Конечно, его жалко... Но это и плохо.

Позвольте поромантизировать.

У каждого человека должен быть на боку невидимый меч. Пусть это будет не большой меч Правды, а скромная шпага науки или даже детский кинжальчик небольших чувств и целей. Но относиться к нему надо серьезно и честно. Брошку можно снять и бросить — свой меч снять нельзя, не перестав быть человеком. Вот пример героического служения детскому бутафорскому кинжальчику: в Дании, в Копенгагене на ступенях королевского дворца стоит стража — мальчики 16—18 лет, одетые в оперные костюмы и вооруженные средневековыми алебардами. Когда немцы в 1940 г. заняли Копенгаген и танки и автоматчики подошли к дворцу, они — «оперные солдатики», дали себя убить — все были убиты — на ступенях дворца, прежде чем первый не-

29 В Киеве я начала работать над дипломом.

30 Фильм Романа Балаяна «Полеты во сне и наяву» (1982).

мецкий солдат вошел в него. Я не знаю высшего героизма и никому так не завидую: погибнуть за обреченное дело, зная, что практических результатов все равно не добьешься, и что даже имени твоего никто не запомнит...

У героя фильма на боку нет никакого меча. А если был, то он его слишком легко и дешево отдал. Быть большим ребенком слишком просто. Сейчас все готовы снять с себя ответственность, чтобы не быть тем, чем они должны быть: мужчины не хотят быть мужчинами, а предпочитают до старости оставаться мальчиками, женщины бояться быть женщинами...

Простите, расписался... Просто захотелось поговорить «не о науке».

Будьте здоровы!

Прочел: Боже, что за чушь! Но переписывать нет сил.

Простите...

Ваш Ю. Лотман

Вам необходим французский язык!!! А через три года, если я буду жив, я Вас заставлю сесть за немецкий. Но до этого Вы должны фр. овладеть абсолютно свободно.

Так и никак иначе!

3

<февраль 1987>³¹

Дорогая Люда!

Большое спасибо за письмо. Надеюсь, что Вы теперь уже дома, что ребенок здоров и трудности, связанные с его появлением на свет, постепенно забываются — «крута горка да забывчива». Надеюсь, что к Великому Терпению прибавится и Великая Радость. Не будьте неблагодарны по отношению к судьбе: она ревнива и этого не прощает (я, как античный грек, вижу судьбу живым, завистливым и недоброжелательным существом).

Я не верю в телепатию и всю модную дурь, но то, что Вам было тяжело, я знал: все те дни мне было невыразимо тяжело, грустно и жалко до невыразимости. И меня не успокоило, когда Ваш Слава на мой вопрос, трудные ли были роды, бодро ответил: «А чего трудные, нормальные» (или что-то в этом роде). Вообще разговор у нас был забавный: звонок — беру трубку: «Алло!». С той стороны: «Это Павел Семенович?»³² Я: «Нет, это Юрий Михайлович». Он: «Елки-палки! Ну да все равно...». Насколько я понял, у него была какая-то авария на заводе, и он совершенно закрутился между Вами и заводом, между Павлом Семеновичем и мной...³³ Какое имя дали Вы мальчику? Имя это важно.

31 В декабре 1986 года я переехала из Тарту в Москву, в феврале 1987-го у меня родился сын. Первые письма писала из роддома.

32 Павел Семенович Рейфман, профессор кафедры русской литературы Тартуского университета. С ним и с Ларисой Ильиничной Вольперт, его женой, профессором кафедры зарубежной литературы, меня связывала многолетняя дружба.

33 Две поправки: звонок исходил от Юрия Михайловича, муж действительно растерялся, но версии беседы разнятся; профессии и места работы моего мужа Юрий Михайлович не знал.

Вообще же, дорогая Люда, живем мы грустно. З.Г. все время болеет, я устал как собака, но отдыхать не могу и не хочу: работа для меня «опиум для народа» — убежище от всех мыслей и чувств. Я устал не от работы, а от долгой жизни, от того, что многие комедии, которые другие люди сейчас с увлечением смотрят, я уже видал (а, как историк, даже изучал), и я представляю их пятые акты. Что же касается комедии своей собственной жизни, то надеюсь, что сумею доиграть ее не хуже, чем другие. Один философ сказал, что первую половину жизни человек учится жить — вторую умирать. Я думаю, что все это проще: второе искусство не требует особого размышления, если столько людей его постигли до меня, то неужели же я такой бестолковый, что не сумею овладеть этим простым и нехитрым фокусом.

Вы, Люда, прошли через очень важный искуc, и с Вами сейчас можно говорить не как с бабочкой или цветочком, а как со взрослым человеком. Для женщины пережитый Вами опыт то же, что для мужчины война. Я всегда считал, что мужчина, не бывший на войне и женщина, не прошедшая через это испытание — это еще полуфабрикаты.

Будьте здоровы и счастливы, поцелуйте мальчика!

Славе мои поклоны.

Ваш Ю. Лотман

PS. Зара Григориевна шлет Вам приветы и поздравления. Она завтра ложится в больницу. Лаборатории, пребывающей в состоянии летаргии, я передал Ваши приветы. 19-й том «Семиотики» я для Вас выкупил и вышлю его как подарок «на зубок» новорожденному.

Ю.Л.

4

7.IX.87

Дорогая Люда!

Видно, воздух Киева благоприятен для Вашей памяти³⁴. В Москве Вы все забываете, как переплыв через Лету. В Киеве вспоминаются забытые адреса и телефоны, и письма пишутся такие милые и даже эти письма не теряются таинственно в дороге, а доходят до адресатов. Да здравствует Киев!

Спасибо за письмо.

Вообще, конечно, дурацкое занятие писать письма. Зато как приятно получать их! Вот я получил письмо от Иры Воробьевой³⁵ и был весел почти целый день, а это со мной сейчас бывает очень редко. Весел я был потому что (тут меня оторвали на час).

Потому что за время работы со студентом отдаешь ему слишком много души, невольно привязываешься, он делается (конечно, не все) частью твоего «я». И вдруг пятый акт кончается, занавес падает, он уходит, а ты остаешься в пустом и темном театре. Это невыносимо грустно, хотя, конечно, естественно.

34 Осенью 1987 года я с сыном гостила у родителей в Киеве.

35 Ирина Воробьева, студентка и дипломница Ю.М. Лотмана в 1980-е годы.

И внезапно откуда-то доносится опять голос... (опять оторвали на 2 часа). Это напоминает, как 17 мая 1942 г., когда немцы начали генеральное наступление и их танки, прорвавшись справа, ушли в глубокий тыл, чтобы отрезать нас от переправы через Донец, я сидел на батарее у телефона и тщетно пытался вызвать хоть кого-нибудь. Все линии вышли из строя, и никто не отзывался. Стрельба и бомбежки переместились куда-то далеко в тыл. Что делать с пушками и огромным запасом снарядов (мы готовили наступление, немцы опередили нас на сутки) — неизвестно. И вдруг в телефоне пробился голос — это был телефонист с другой нашей батареей. Они тоже были отрезаны и тоже не знали, что делать. Но как я обрадовался голосу! Как сразу стало весело — мы с ним сказали друг другу «сидим» и от души расхохотались. Хотя ничего смешного не было и никакой реальной помощи мы друг другу оказать не могли. Но голос «своих» это великое дело, когда душа стонет от тоски и одиночества. Вот почему письмо Иры (неожиданное — я ведь не ждал его — и почти незаслуженное) меня сильно тронуло, тронуло той душевностью, которую подделать невозможно.

Но я расписался. Будьте здоровы и счастливы.

Ваш Ю. Лотман

5

9.X.87

Господи, благослови город Киев! Второе письмо! И какое!!! Совсем человеческое и теплое! Каким богам молиться?

Это почти не в шутку. Спасибо, Люда, спасибо.

Не успел отправить ответ на первое и уже пишу второе. Сам себе не верю.

Так Вы, оказывается, еще и хандрите, и от этого, а не от родов, у Вас выпрямляются волосы³⁶: «От горести вянет лице и кудри не вьются» (Мерзляков). А Гнедич ему ехидно заметил, что это из песни:

С радости, с веселья
Хмелем кудри вьются,
С горести, с печали
Русые секутся...

Итак надо радоваться и веселиться и кудри снова завьются. Это не то, что у меня: с горести, с печали плешь растет. И не вьется.

Действительно, не надо хандрить. Это признак слабости. Как дети говорят на слова тети сердобольной «Не плачь, детка» — «Я не тебе плачу, а маме». В молодости, а тем более юные дамы, хандрят «кому-то». Другое дело холодная и безнадежная хандра старика. Это горькое питье, никому не желаю. Пить его приходится самому.

Итак, бодритесь, а Бобров никуда не уйдет. Все еще будет: и Бобров, и многое другое, и даже внуки (вот это, действительно, радость). Надо жить не прошлым, не будущим, а настоящим. Настоящее — очень хорошая вещь (не случайно, означает еще и «не поддельное», «не фальшивое»). Учитесь его ценить.

36 Сетовала в предыдущем письме на выпрямившиеся после родов волосы.

Я не звоню Вам, злюсь на отсутствие писем и вообще тяну эту тяготию, потому что очень скучаю. Так.

Ю. Лотман

PS. Почему у Наташи Горб<ачевой>. — Л.З.>³⁷ «ожидаются трудные роды»? В чем дело. Беспокоюсь. Я к ней очень тепло отношусь. Она, кажется, крепкий человек.

6

В феврале 1989 года Ю.М. Лотман и З.Г. Минц выехали в Мюнхен, получив премию Фонда Александра фон Гумбольта. В конце мая, находясь в Мюнхене, Юрий Михайлович перенес инсульт, был госпитализирован, в июле ему была сделана операция по удалению почки. Последнее письмо от Юрия Михайловича до его госпитализации я получила 23.05.89 и, видимо, успела на него ответить. Месяца через два от Зары Григорьевны пришло подробное письмо с описанием анамнеза и состояния Юрия Михайловича после операции. На обороте страницы было несколько фраз его рукой, которые, судя по почерку, стоили усилий. К ним Зара Григорьевна сделала приписку: «Это — первое письмо <выделено З.Г. Минц. — Л.З.>, которое Юр. Мих. написал за время болезни».

Здравствуй, Люда!

Я жив — это основная новость. Я перенес операцию рака почки и кое-как выбираюсь из-под различных развалин. Я полностью сохранил разум и научные качества и вообще личность, но утратил способность писать и читать и сейчас их отвоёвываю. Как? — видите сами. Вообще такое чувство, словно во мне разорвался снаряд и сейчас надо собирать кусочки. Собираю. Вообще же как телеграфировал один капитан: иду на дно, настроение бодрое. Об остальном напишет Зара Григорьевна. Как Вы? Продвинулась ли работа? Пишите. Очень жду Ваших писем.

Меня сломало как большое дерево и теперь я должен пускать новые ветви.

Ваш Ю. Лотман

7

Рукой З.Г. Минц.

<без даты, почтовый штемпель:
Москва 04.09.1989>

Люда, получил два Ваших письма. Большое спасибо! На первое я Вам уже отвечал. Ответ на 2-ое приходится строить в двух частях: 1) о Вашей работе, 2) необходимые для понимания сведения обо мне.

37 Наталия Горбачева, студентка и дипломница Ю.М. Лотмана в 1980-е годы.

Но до этого — пояснение. Как Вы видите, длинного письма я писать не могу (вернее, мне это трудно, да и пишу я так, что читать, видимо, нелегко). Поэтому — диктую.

Ваше письмо меня обрадовало. Я рад, что Вы так активно работаете. Особенно показались мне интересными идеи о пересечении С. Боброва с Гр. Сквородой и Дж. Бруно. Мысль о Дж. Бруно особенно заманчива. Но имейте в виду, что Дж. Бруно должен был тогда рисоваться в совершенно другом освещении. Его астрономические открытия были только частью его огромного и беспорядочного наследия. Фактически он стремился создать единство науки (типично средневековая идея!), синтезирующая огромный опыт научного развития между последними классиками средневековья и поздними энциклопедистами Ренессанса. Возрождение рисуется, при ближайшем взгляде, не так, как мы привыкли на него смотреть. Оно пронизано мистикой, причем особой — «материалистической» мистикой, соединяющей глубокие проникновения в мир материи и самые мистически фантазии. В результате материя предстает тут динамической, противоречивой и таинственно связанной с человеком. Просвещение XVIII в. все это отбросило как мистику и создало механистический мир человека-машины. Это был огромный шаг вперед, но за него было заплачено слишком дорого. Цена оказалась такой большой, что «детям» Канта пришлось вновь возвращаться назад и искать в выброшенных и осмеянных листах средневековья зерна завтрашней мудрости. Это понял Лейбниц. В России, как это ни кажется странным, одним из первых понявших — до Белинского и гегельянцев середины века — был осмеянный и умерший от запоя Бобров.

Люда, в молодости, когда я работал над одним из первых своих трудов (о масонах, в том числе о Боброве — работа эта потеряна) меня вдохновляло чувство воскресителя. Мне кажется, что оно должно сейчас составлять основу Вашего научного вдохновения.

Эта часть Вашей работы меня очень устраивает. А вот, что Вы собираетесь устроить из старообрядцев, я не понял. Не разбрасывайтесь!

Отношение к Сквороде очень перспективно: здесь возможны и прямые биографические связи. Поищите! Обратите внимание на возможность у Боброва невыявленных цитат и переключек. Найти их было бы очень заманчиво.

Книги Барабаша я, конечно, не читал³⁸, но представляю, что это может быть: ничего хорошего не жду. Впрочем, не хочу предупреждать Вашего мнения. Помните только, что у этого человека все надо проверять.

Теперь о себе. У меня началось с поисков причины эмболии мозга; нашли попутно злокачественную опухоль почки, удалили ее. Сейчас я прихожу в себя от операции, и к тому времени, когда письмо придет к Вам, наверное выйду из больницы. Однако это не единственное мое «достижение» с начала лета: эмболия мозга довольно прихотливо меня изу<ро>довала. Память, сознание, культура, все умственные способности не пострадали, но все же «разорвавшийся во мне снаряд» не все во мне пощадил: я заново учусь читать и писать, должен восстанавливать иностранные языки и т.д. Вообще, когда в доме разрывается снаряд, то сначала бросаются в глаза большие разрушения, а потом обнаруживают то тут, то там разные мелкие дырочки. Так, например, мне очень свое-

38 Думаю, речь шла о книге Ю. Барабаша «Знаю человека: Григорий Скворода: поэзия, философия, жизнь» (1989).

образно задело зрение; оно пострадало не очень сильно: слева и спереди я вижу хорошо, но в виду некоторых особенностей зрения, кино, видимо для меня потеряно навсегда. Но главное не это. До сих пор неясно, до какой степени удастся восстановить способность чтения. Так что вопросов много. Не соскучишься. Во время, когда другие кончают, приходится начинать. Попробуем...

До свидания, Люда.

Пишите. Привет Вашей семье.

Ваш Ю. Лотман

К осени 1989 года Юрий Михайлович поправился, в декабре уже читал в Тарту лекции.

В одном из писем он прислал мне карточку с портретом Чаадаева, на обороте которой написал: «Prima morte che stanchezza³⁹. Leonardo da Vinchi (мое любимое изречение)».

Мариэтта Чудакова

О Ю.М. Лотмане

Значение — его в российской научной жизни — неопределимо. Недаром, прознавши про него, три юных выдающихся филолога — Р. Тищенко, Л. Флейшман и Женя Тоддес (в недалеком будущем — наш с Чудаковым ближайший друг, единомышленник и соавтор) — сразу стали ездить к нему из Риги в Тарту — учиться уму-разуму. Всем нам — отечественному гуманитарному кругу — было ясно, что в нашей стране появилось место, где наукой занимаются без пропаганды и тупой болтовни. А так как к тому времени наша с Чудаковым жизнь была уже безраздельно отдана науке, то для нас это было весьма немаловажно.

Не помню, когда и как мы с Ю.М. познакомились. Но в 1965 году мы были уже хорошо знакомы. И когда встретились в Москве — кажется, в начале лета — он спросил, чем я сейчас занимаюсь. И я рассказала, что в марте Чудаков, оставшись с маленькой дочерью, отпустил меня на 10 дней (ровно!) в Дом творчества в Дубулты (под Ригой), чтобы я изложила за это время суть моей концепции поэтики Зощенко, сложившейся у меня в последние годы, но излагавшейся — по особенностям жизни — урывками... А в Доме творчества я писала буквально день и ночь и изложила ее на ста машинописных страницах... Я гордо сказала, что — надеюсь! — сумела открыть секрет поэтики Зощенко — весьма загадочного писателя...

39 Скорее смерть, чем усталость.